
А. В. СМОЛЯК

О НЕКОТОРЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ У НАРОДОВ НИЖНЕГО И СРЕДНЕГО АМУРА

Население обширной территории бассейна Нижнего и Среднего Амура составляют коренные жители этого района — нивхи, ульчи, нанайцы и другие, а также русские. Нивхи (3,7 тыс. чел. по переписи 1959 г.) живут в Тахтинском, Нижне-Амурском районах Хабаровского края и на Сахалине, ульчи (2049 чел.) — в Ульчском районе, нанайцы (8 тыс. чел.) — в Комсомольском, Нанайском, Кур-Урмийском районах Хабаровского края и в Приморском крае, удэгейцы (1394 чел.) — в Хабаровском и Приморском краях, орочи (465 чел.) — в Хабаровском крае. На Нижнем Амуре живут также небольшие по численности группы эвенков и негидальцев. Русских в каждом из названных районов, по нашим подсчетам, в настоящее время в 8—10 раз больше, чем коренных жителей.

В данной статье мы коснемся преимущественно нивхов, ульчей и нанайцев, живущих по Амуру ниже Хабаровска. В их культуре и быте много общего, несмотря на наличие у каждой из этих народностей своих специфических особенностей. По языку ульчи и нанайцы относятся к тунгусо-маньчжурской группе, нивхи — к палеоазиатской, с особым, лишь им свойственным языком. Культурная близость нивхов, ульчей и нанайцев складывалась исторически, на протяжении веков и объясняется прежде всего общностью их экономического развития.

В силу близких природных условий на всей территории от устья Усури до устья Амура сложился единый хозяйственный комплекс. Основными занятиями населения были рыболовство и охота. В поисках лучших мест охоты нередко приходилось преодолевать десятки и даже сотни километров. Нанайцы и ульчи издавна ходили промысливать пушного зверя на территорию расселения нивхов, орочей; ульчи — на р. Горин и Амгунь, где жили нанайцы и негидальцы, на Сахалин (в места расселения нивхов, айнов, ороков и др.); нанайцы — к удэгейцам, ульчам. Во время этих передвижений совершался торговый обмен, устанавливались дружеские отношения, заключались смешанные браки. Многообразные связи между народностями Приамурья способствовали созданию здесь культурной общности. Иногда охотники и рыбаки оставались жить на полюбившихся им новых местах. Так, в конце XIX в. среди ульчей поселились нанайцы из родов Самар, Тумали; в начале XX в. — нанайская семья Девжак. На Сахалине остались жить некоторые ульчи с Амура (члены родов Вальдю, Баяусал). Отдельные семьи ульчей селились среди нивхов.

В литературе имеются сведения о том, что многие нивхские роды ведут свое происхождение от переселенцев из нанайцев и ульчей и что

нивхи переселялись вверх по течению и жили среди нанайцев и ульчей, а на границах расселения нивхов и ульчей жило двуязычное население, хорошо владевшее как нивхским, так и ульчским языком¹. Известно, что происхождение значительной части ульчских родов связано с нанайцами, нивхами, негидальцами и другими этническими группами, а многих нанайских родов, как указывали Л. Я. Штернберг и Н. А. Липская², — с тунгусами, ульчами, нивхами, а также с маньчжурами и даже с айнами Сахалина и другими народностями.

Такая пестрота родового состава в значительной степени связана с передвижениями коренного населения в пределах Нижнего и Среднего Амура, а также со смешанными браками.

На границах расселения нанайцев и ульчей, ульчей и нивхов жило население довольно однородное по культуре, этническую принадлежность которого подчас трудно определить. Установившиеся в конце XIX в. административные границы на Нижнем Амуре не способствовали этническому размежеванию пограничного населения. Так, в Больше-Михайловскую волость Удской округи входили нивхские, ульчские, а также смешанные нивхско-ульчские селения (например, сел. Ухта). Официально все население выше с. Мариинского считалось гольдами, а ниже с. Мариинского — гиляками (хотя это были ульчи). В Нижне-Тамбовскую волость (первоначальное название — Мариинско-Успенская), граница которой проходила около Мариинского, входило смешанное ульчско-нанайское население. Во время переписи 1897 г. часть живущих здесь родов была признана нанайскими, часть — ульчскими.

Разграничить родственных по языку ульчей и нанайцев было действительно трудно. Достаточно сказать, что Л. И. Шренк, Р. Маак, Н. Чихачев, проводившие исследования в середине XIX в. (почти одновременно) в Мариинско-Успенской волости, по-разному определили этническую принадлежность местного населения³. И неудивительно: жившие в пограничных селениях роды Авали, Брал (Бурал), Конинча, Чайсал, Тумали, Гаил можно по ряду признаков отнести и к нанайцам, и к ульчам. По сведениям С. Патканова и М. Шумского⁴, в мелких, расположенных на границах расселения ульчей и нанайцев селениях Писуй, Хользан, Ада, Симасы, Карги, Самахагду, Больба в 1897 и 1911 гг. насчитывалось 180 ульчей. По данным переписи 1926 г. в с. Карги, в котором жили многие переселенцы из указанных выше мелких селений, было 32 чел. ульчей⁵. Ныне все указанные выше селения считаются населенными нанайцами. Между тем, некоторые из живших здесь родов (у нанайцев и ульчей в большинстве случаев названия их прежних родов сохраняются как фамилии) могут быть отнесены и к ульчам, и к нанайцам.

Примером таких, назовем их условно промежуточными, родов является род Чайсал, живший на границе расселения нанайцев и ульчей. С. Патканов, например, этот род считал ульчским, а А. М. Золотарев⁶ —

¹ Л. Я. Штернберг, Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, Хабаровск, 1933, стр. 295; А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939, стр. 37.

² Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. XXXII, 46; Н. А. Липская, Статья «Нанайцы» в томе «Народы Сибири», М.—Л., 1956, стр. 788.

³ Л. И. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. I, СПб., 1883; Р. Маак, Путешествие на Амур в 1855 г., СПб., 1859; Г. И. Невельской, Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, Владивосток, 1950.

⁴ С. Патканов, Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, ч. II, «Записки Русского географического общества по отд. этнографии», т. 31, СПб., 1906; М. Шумский, Сведения о туземных инородцах, проживающих в Приморской области, Владивосток, 1911.

⁵ Архив АН СССР, ф. 135, оп. 3, № 150.

⁶ А. М. Золотарев, Указ. раб., стр. 30.

нанайским. Во время полевой работы в 1958 и 1962 гг. мы выяснили, что у Чайсал экономические и особенно брачные связи в прошлом были сильны как с нанайцами, в частности с живущими рядом нанайцами родов Гаил, Гейкер и др., так и с ульчами. До сих пор некоторые мужчины бывшего рода Чайсал по старой традиции берут себе в жены ульчанок. Отдельные прежние обычаи Чайсал, например обычай длительного (2—3 года) содержания медведя для устройства медвежьего праздника, также сближают их с ульчами. Старики из рода Чайсал отмечают близость своего языка с языком ульчей.

Промежуточным, следуя нашей терминологии, является и род Тумали. В северной части нынешнего Комсомольского района раньше жили представители считающихся нанайскими родов Тумали и Сайгор (Сотьгор). Правильность подобного определения их этнической принадлежности вызывает сомнения. Согласно преданиям, записанным нами в селениях Падали и Н. Эконь в 1958, 1960 и 1962 гг., предки рода Тумали жили близ устья р. Амур и на Амгуни⁷. Оттуда они ушли вверх по реке, как рассказывают информаторы, спасаясь от эпидемических заболеваний; произошло это «более пяти поколений назад». О происхождении Тумали от негидальцев писали К. М. Мыльников и В. И. Цинциус⁸. Об этом же свидетельствует и сохранявшийся у Тумали вплоть до начала XX в. обычай устройства медвежьего праздника. В 1958 и 1962 гг. представители Тумали подробно рассказывали мне о том, как прежде их отцы и деды держали в неволе медведей, а через 3—5 лет устраивали праздник, на котором убивали их⁹. Подобный обычай существовал у ульчей и у нивхов. Все это свидетельствует о том, что прошлое рода Тумали связано с районами низовой Амура и что, переселившись затем в соседние с нанайцами районы, члены рода Тумали восприняли в значительной степени нанайскую культуру, сохранив и некоторые черты своей прежней культуры. В конце XIX — начале XX в. часть рода Тумали жила по Амуру от Н. Халбы до Дзенгми, другие расселились в мелких стойбищах по соседству с ульчами вблизи селений Мариинского и Софийского. Среди ульчей сохраняется предание о столкновениях ульчских родов с родом Тумали; об этом говорят, например, представители бывш. рода Уды (с. Дуди)¹⁰. Таким образом, одни черты быта и культуры Тумали связывали их с ульчами, другие (например, некоторые поминальные обряды) — с нанайцами.

То же можно сказать и о роде Сайгор (Сотьгор), жившем в XIX в. в небольших селениях Сарахинда, Хумми, В. Эконь и др. (район современного Комсомольска). Члены рода Сайгор также устраивали медвежий праздник и сохраняли воспоминания о месте своего прежнего жительства в районе р. Амгуни¹¹.

В пограничных селениях между ульчами и нанайцами, начиная от оз. Омми вниз по Амуру вплоть до с. Больба, в XIX в. жил род Гаер (Гаил). Старики из с. Омми, потомки рода Гаер, в 1958 г. рассказывали нам, что они — старожилы этих мест, а другие роды пришли сюда позднее. Однако и среди Гаер сохраняется предание о том, что в прошлом

⁷ В с. Н. Эконь нам об этом рассказала Наталья Лауми, 70 л.; в с. Падали — Г. Т. Тумали.

⁸ «Материалы по исследованию негидальского языка», «Тунгусский сборник», I, Л., 1931, стр. 115.

⁹ Полевые записи автора 1958 г. (информатор Г. Т. Тумали, с. Падали) и 1962 г. (информатор Нэски Тумали, с. Муха, Комсомольский р-н). Все полевые записи автора хранятся в Архиве Ин-та этнографии АН СССР, ф. Северной экспедиции.

¹⁰ Полевые записи автора в с. Дуди 1957 и 1960 гг. (информатор Д. Пильдунча).

¹¹ Полевые записи автора 1960 г. (информатор Е. С. Сайгор, с. В. Эконь) и 1962 г. (информатор И. П. Сайгор, с. Н. Эконь).

они обитали где-то в нижнем течении Амура, недалеко от его устья¹². Члены рода издавна были связаны с ульчами, жившими близ селений Мариинского и Софийского. В быту и культуре Гаер имеется сходство и с нанайцами, и с ульчами.

Разграничение резко отличающихся по языку нивхов и ульчей в середине XIX в. не составляло большого труда, хотя у отдельных групп нивхов и ульчей, живущих по соседству, в материальной и духовной культуре было много общего. Это объясняется издавна существовавшими между ними экономическими связями: например, у нивхов селений Гери, Хылка и ульчей селений Ухта, Сельчура, Кеньжа были общие рыбалки, общие угодья, где они охотились. Кроме того, у них были сильные брачные связи: ульчи, жившие в селениях Ухта, Кадаки, Кольчом, Сельчура, Тенча, Солонгса, брали в жены девушек из нивхских селений Гери и Хылка, а нивхи, в свою очередь, женились на ульчанках из упомянутых выше ульчских селений. Вследствие возникавшего родства нередко имели место переселения ульчей в близлежащие нивхские селения, а нивхов — в ульчские, что в дальнейшем опять влекло за собою смешанные браки. В результате нередко ульчи (особенно их дети от смешанных браков) стали осознавать себя нивхами, а дети нивхов от браков с ульчанками — ульчами. Например, отец Л. Хатхила (с последним мы познакомились в 1958 г. в с. Пад Тахгинского района) — ульч по национальности. Женившись в молодости на девушке из нивхской семьи, он всю жизнь прожил среди нивхов; нивхским языком он так и не овладел и разговаривал с окружающими на русском и ульчском. Сын от этого брака — Л. Хатхил, все время живший среди нивхов, осознает себя нивхом.

Очень интересна история рода Декал (Дэхаль). Семьи по фамилии Декал можно встретить сейчас как среди ульчей, так и среди нивхов. Рассказывают, что предки рода Декал некогда жили в с. Хылка¹³ и оттуда расселились в разные места по Нижнему Амуру.

Ушедшие к северу, в нивхское с. Пад, влились в состав нивхов; поселившиеся южнее, в селениях Гери, Гауни (ныне Н. Гавань и Ново-Георгиевское Ульчского района) впоследствии осознавали себя нивхами, но утратили ряд черт своей национальной культуры; поселившиеся еще южнее, в ульчских селениях Аури и Май, через 2—3 поколения утратили нивхский язык и стали осознавать себя ульчами (ульчский род Дяксул).

В середине и конце XIX в. в бассейне Нижнего Амура жили, как уже говорилось, небольшие группы орочей. В частности ороческие родовые группы Мулинка, Мовданча, Пунади, Мунин и др. обитали в это время в долине р. Яй (впадает в оз. Кизи) вблизи ульчских селений по Нижнему Амуру. Ульчи и орочи часто общались между собой. Так, ульчи приезжали охотиться в район р. Яй, где жили орочи; имели место и смешанные ульчско-орочские браки; орочи, в свою очередь, нередко бывали в селениях по Амуру — здесь они сбывали торговцам пушнину, приобретали различные товары.

В начале XX в. орочи начали переселяться в мелкие ульчские селения, расположенные по Амуру (близ оз. Кизи). Вначале тесное общение, а затем совместная хозяйственная и культурная жизнь приводили к постепенному стиранию этнических различий между этими группами; у них появилось много общего в материальной культуре (одежде, жи-

¹² Полевые записи автора 1958 г. (информатор М. Муска, с. Карги).

¹³ У Л. Я. Штернберга имеются сведения о маньчжурском происхождении рода Декал. См. Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 285. Нам не удалось выявить сохранившихся преданий, подтверждающих это указание Л. Я. Штернберга.

лице и т. д.), хотя некоторые национальные особенности орочи сохраняли до начала 1930-х гг. (например, языковые).

Подобная история произошла и с очень крупным родом Самар (Самагир), расселенным в районе р. Горин. Происхождение некоторых групп этого рода связано с эвенками. Однако тесные связи членов рода Самар с амурскими нанайцами способствовали сглаживанию этнических различий между ними. В конце XIX в. многие Самар уже жили (и в настоящее время живут) на Амуре в небольших селениях между устьями рек Горин и Хунгари, утратив значительную часть своих национальных особенностей.

С поселением на Амуре во второй половине XIX в. русских здесь началась более интенсивная экономическая и культурная жизнь. В связи с этим усилилось тяготение к Амуру отдельных этнических групп, обитавших в селениях, расположенных по его притокам.

Русские крестьяне основали на Нижнем и Среднем Амуре много новых селений. Следуя правилам, созданным для русских переселенцев, они не селились там, где уже обосновались коренные жители, чтобы не ущемлять последних в их владениях рыболовными и охотничьими угодьями¹⁴. Несмотря на вызванную этим некоторую обособленность поселений, между русскими и коренным населением сразу же установились дружеские взаимоотношения. Л. И. Шренк писал в 1854—1856 гг., что коренное население бывает в русских селах, «вступая в обменные отношения с русскими» (у последних они меняли, например, рыбу на хлеб и картофель)¹⁵. Постепенно экономические и культурные контакты с русскими становились все более тесными и приводили к некоторым преобразованиям в материальной культуре и быте коренного населения. В конце XIX — начале XX в. начинает несколько изменяться традиционное жилище, появляются элементы русской одежды, различные бытовые предметы, новые, заимствованные от русских орудия труда.

Русские, в свою очередь, восприняли некоторые местные орудия производства и методы рыбной ловли, езду на собаках, методы обработки лосиных и оленьих шкур, приемы изготовления лодок местных форм, нарт, лыж, способы приготовления различных рыбных кушаний и т. д.

Уже в конце XIX в. часть коренного населения (особенно мужчины) овладевает русским языком. Этому в некоторой степени способствовало открытие в этот период в отдельных селах Нижнего и Среднего Амура незначительного числа миссионерских школ (хотя они не охватывали и 1/20 части всех детей).

В дальнейшем связи коренных жителей с русскими все более укрепляются, однако смешанных браков между коренным населением и русскими в дореволюционное время почти не наблюдалось. Культурные, языковые и религиозные различия между ними все же были слишком велики¹⁶.

* * *

Установление Советской власти в Приамурье в 1920-х годах коренным образом изменило жизнь и быт жителей этого края. Изменился и характер происходящих здесь этнических процессов.

¹⁴ В. К. Бражников, Рыбные промыслы Дальнего Востока, СПб., 1900.

¹⁵ Л. И. Шренк, Указ. раб., т. 2, СПб., 1899.

¹⁶ Несмотря на деятельность во второй половине XIX в. православной миссии, добившейся крещения большого числа нанайцев, ульчей, нивхов и других коренных народностей Нижнего Амура, последние, как неоднократно отмечали сами священники, принимали христианство формально и от своих верований не отказывались. См. «Камчатские епархиальные ведомости» за 1896—1898 гг.

Создание в конце 1920-х годов кооперативов в ряде сел, а затем, в 1930-х годах — колхозов, строительство школ, магазинов, медицинских пунктов во всех наиболее крупных селениях способствовали стягиванию жителей мелких окрестных стойбищ, состоящих подчас из 1—3 домиков, в крупные населенные пункты. Объединение колхозов, происходившее в конце 1930-х годов, а затем, особенно интенсивно, после Великой Отечественной войны, способствовало дальнейшей концентрации населения. Таким образом, к концу 1950-х — началу 1960-х годов коренное население оказалось расселенным несравненно более компактно, чем прежде. Вот некоторые сравнительные данные. По переписи 1897 г., нанайцы Хабаровской и Удской округи жили более чем в 150 стойбищах, ульчи — в 32, нивхи Амура и Лимана — в 53¹⁷. В 1926 г. нанайцы Хабаровского округа жили в 107 селениях, ульчи — в 33, нивхи Амура — в 41¹⁸.

В 1957/58 г. нанайцы Комсомольского и Нанайского районов (то есть подавляющее большинство нанайцев Приамурья) жили в 31 селении¹⁹, ульчи — в 9 селениях, нивхи (на Амуре и Лимане) занимали около 20 селений. Появились довольно крупные ульчские и нанайские селения, такие, как Булава и Найхин, в которых насчитывается по 350—450 коренных жителей. Причем, если до революции русские (за редкими исключениями) не селились вместе с коренными жителями, то в конце 1920-х — начале 1930-х гг. во многих нанайских, ульчских и нивхских селениях уже живут представители русской интеллигенции — фельдшеры, учителя, работники клубов и т. д. Позднее, в связи с укрупнением колхозов (особенно в 1955—1960 гг.), появляются смешанные нанайско-русские, ульчско-русские, нивхско-русские селения и колхозы.

Все это, повторяем, не могло не сказаться на характере этнических процессов.

Административное районирование, проведенное на Нижнем Амуре в конце 1920-х — начале 1930-х гг., способствовало более четкому разграничению коренных жителей, особенно на границах расселения ульчей и нанайцев, ульчей и нивхов и уже упоминавшихся так называемых промежуточных родов. В 1926 г., например, в нанайском с. Карги, вошедшем в Комсомольский район, жили и ульчи. В результате проведения административной границы между Ульчским и Комсомольским районами, а затем прошедшей паспортизации все коренные жители Комсомольского района были записаны как нанайцы. Это оказало большое влияние в первую очередь на самосознание живущих здесь представителей промежуточных родов.

В настоящее время на вопрос о национальной принадлежности старики из бывшего рода Чайсал (с. Карги и другие нанайские селения) отвечают уклончиво и начинают вспоминать о своей родственной и языковой близости с ульчами, а молодежь безоговорочно считает себя нанайцами.

При проведении административной границы между Комсомольским и Ульчским районами одна часть бывшего рода Гаил, живущая вверх по Амуру от этой границы, была записана как нанайцы, а другая, попавшая в Ульчский район, — как ульчи. Ныне не только молодежь по фамилии Гаил, но и старики, живущие в Ульчском районе и имеющие

¹⁷ С. Патканов, Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, т. 3.

¹⁸ «Туземное хозяйство народов Нижнего Амура», Благовещенск, 1929.

¹⁹ По данным годовых отчетов, полученных в райисполкомах, всего в Хабаровском крае не более 40 нанайских селений.

родственников-нанайцев в соседнем районе, считают себя ульчами. В с. Дуди ныне живут два человека с фамилией Гаил: один из них, как и его родители, — коренной житель Ульчского района, считает себя ульчем; второй — приехавший лет пятнадцать назад из селения, расположенного на севере Комсомольского района, осознает себя нанайцем.

Выше уже отмечено, что часть представителей рода Тумали жила в конце XIX — начале XX в. близ с. Софийского, оторвавшись от своих сородичей, обитавших выше по Амуру (у нынешнего Комсомольска). После 1928 г. Тумали, жившие у Софийского, остались в Ульчском районе и сейчас считают себя ульчами; хотя старики помнят о родстве с нанайцами, но связи с последними в большинстве случаев уже утеряны.

Проведение районирования сказалось и на судьбе уже упоминавшегося нами рода Декал. Выше отмечалось, что представители этого рода поселились среди ульчей (ульчи Дяксул), среди нивхов (род Дэхаль — с. Пад и другие, более северные) и в нивхско-ульчских селах — Ухта, Нижняя Гавань, Ново-Георгиевское. Декал, живущие в с. Ухта рядом с ульчами, все хорошо владеют ульчским языком, но старики при этом хорошо знают и нивхский и считают себя нивхами; молодежь же почти не понимает по-нивхски, считает себя ульчами и восприняла ульчскую культуру. Живущие в селах Нижняя Гавань и Ново-Георгиевское Ульчского района Декал брали себе жен как из ульчанок, так и из нивхов, но общались они в этих селениях больше с русскими. Все они хорошо владеют и ульчским, и русским языком; старики Декал, хорошо знающие нивхский, считают себя нивхами. Но вот другой пример: три брата — Сергей, Николай и Гавриил Декал, родившиеся и проживающие в с. Нижняя Гавань, не владеют нивхским языком; их отец умер рано, мать — ульчанка из с. Сельчура всегда говорила с детьми только по-ульчски. В результате все трое (один из них женат на негидалке, второй — на нивхке, третий — на русской) считают себя ульчами, хотя родной брат их отца — К. М. Декал, живущий в соседнем с. Ухта, считает себя нивхом. Думается, что на такое определение национальной принадлежности оказало влияние проживание этих лиц в Ульчском районе.

С установами Советской власти происходил процесс приобщения мелких родовых групп (вернее осколков родов) к более крупным народностям, живущим в пределах данного района; они переселяются в общие деревни, работают в одних колхозах, дети их совместно учатся в школах. В результате выявить, например, характерные отличия орочей бывших родов Мулинка, Пунади, Мовданча и др., живущих на Амуре, от ульчей можно лишь при очень глубоком проникновении в их семейный быт и религиозные обряды.

То же произошло и с бывшими родами Самар, Киле: в недалеком прошлом они еще отличались от нанайцев, теперь же стали группами нанайского народа.

Одной из характерных черт современных этнических процессов на Нижнем Амуре является ослабление связей между коренным населением разных районов. Создание колхозов и сельских советов, новое административное деление привели к сокращению былой подвижности населения, к укреплению экономических и культурных связей населения внутри каждого района. Например, нанайцы Комсомольского района гораздо больше общаются с русскими своего района, чем с нанайцами соседнего Нанайского района. То же можно сказать об ульчах и нив-

хах²⁰. Традиционные родственные связи, возникшие в прошлом на границах расселения (например, между семьями бывшего рода Чайсал и ульчами из рода Дуван), в большинстве случаев сохранились только среди лиц старшего поколения. Молодежь вступает в браки преимущественно в пределах своего района, села. В этих случаях смешанных браков наблюдается очень мало.

В настоящее время смешанные браки заключаются главным образом между теми юношами и девушками, которые в силу различных причин (учеба, работа и т. д.) переселяются в другие районы, города и попадают в иное национальное окружение (переписью 1959 г. выявлено, что в Хабаровском крае 13,4% нанайцев, 15,9% нивхов, 12% ульчей живут в городах). Необходимо отметить, что в советское время смешанные браки заключаются не только между представителями местных коренных народностей; уже в 1920-е — 1930-е годы имели место браки между представителями коренных народов и русского населения²¹. В 1958, 1960 и 1962 гг. нами изучался национальный состав нанайских семей в селениях Муха, Джуен, Кондон, Болонь, В. и Н. Эконь, Верхний Нерген, Нижние Халбы, Джари, Найхин. Нами обследованы 640 семей, из которых 35, т. е. 5,4%, оказались смешанными.

Национальный состав смешанных семей таков:

Муж	Жена	Число семей
Нанаец	Русская	17
Русский	Нанайка	6
Удэгеец	Нанайка	1
Нанаец	Эвенкийка	2
Камчадал	Нанайка	1
Чуваш (воспитанный нанайцами)	Нанайка	1
Ульч	Нанайка	2
Нивх	Нанайка	3
Нанаец	Чувашка	1
Якут	Нанайка	1

Среди незначительного числа смешанных браков преобладают, как видно из таблицы, браки с русскими.

У нивхов, как и у нанайцев, мы отметили очень мало смешанных браков (нами учитывались лишь нивхи, живущие в селах). В 1958—1959 гг. в с. Вайда мы насчитали 21 нивхскую семью и одну нивхско-русскую, в с. Макаровка — 24 нивхских семьи и ни одной смешанной, в с. Астрахановка — 38 нивхских семей и одну нивхско-русскую. Таким образом, несмотря на то, что жители Астрахановки и Макаровки много лет живут вместе с русскими, работают с ними в общих производственных бригадах, поддерживают дружеские отношения, смешанных браков между ними мало. Конечно, этих данных явно недостаточно для того, чтобы делать какие-то выводы.

В 1958, 1959, 1960 гг. мы зафиксировали всех ульчей, живущих в селах. Всего нами обследовано 323 ульчских семьи, из которых 39 (12,3%) — смешанные. Из таблицы видно, что смешанные браки очень

²⁰ В 1960 г. в центре Ульчского района — с. Богородском состоялся межрайонный национальный спортивный праздник, на который собралась нанайская, ульчская, нивхская молодежь; это было первое мероприятие подобного рода, проведенное по инициативе хабаровских организаций, первая встреча молодежи различных коренных национальностей. Само по себе это мероприятие весьма положительно, но прочных связей оно за собой не повлекло.

²¹ Архивы ЗАГС'ов Ульчского и Нижне-Амурского районов.

«пестрые» по составу, в них участвуют представители девяти национальностей, но преобладают браки с русскими.

Все нанайцы, ульчи и нивхи хорошо владеют русским языком. По-русски дети учатся говорить еще до школы, играя вместе с русскими детьми. В школах всех районов, кроме Нанайского, преподавание ведется на русском языке, дети русских и коренных жителей обучаются вместе, но для последних созданы подготовительные классы. В Нанайском районе обучение ведется на нанайском языке в первом и втором классах, однако эта мера не вызывается теперь большой необходимостью. Даже в тех селениях, где русских мало (например, в с. Дубовый Мыс на Синдинском озере, где в 1958 г. жила всего одна русская семья, или в ульчском с. Булава), дети 5—6 лет свободно говорят по-русски. Русскому языку их учат не только родители, но и бабушки и дедушки, понимая, что хорошее знание русского языка облегчит получение образования, к чему стремится большинство.

Нанайский и ульчский языки также бытуют повсеместно — и дома, и на производстве. Можно наблюдать

Муж	Жена	Число семей
Ульч	Русская	10
Русский	Ульчанка	9
Ульч	Нанайка	4
Нанаец	Ульчанка	7
Ульч	Нивхка	4
Нивх	Ульчанка	2
Ульч	Негидалка	1
Ульч	Татарка	1
Ульч	Якутка	1

кое-где любопытное явление: дети-школьники больше говорят по-русски, а подростки и молодежь проявляют интерес к родным языкам, хотя и русский знают в совершенстве. В большинстве селений на собраниях говорят преимущественно на родном языке, обильно пересыпая родную речь не только отдельными русскими словами, но и целыми русскими фразами. Нанайцы и ульчи двуязычны. В смешанных семьях, данные о которых мы привели выше, говорят обычно по-русски.

Среди нивхов не только молодежь, но и лица средних лет нередко предпочитают русский своему родному языку. «Наш язык слишком труден», — говорят они. Это нашло отражение и в переписи 1959 г.: 23% нивхов, 15% ульчей, 13% нанайцев, очевидно преимущественно жители городов, назвали своим родным языком русский.

За годы Советской власти у коренных народностей Приамурья значительное развитие получила материальная и духовная культура. У них выросла своя национальная интеллигенция: писатели и поэты, художники и артисты, научные работники, врачи, педагоги. В целом по уровню развития коренное население теперь не уступает живущим рядом русским. Все это результат влияния русской национальной культуры.

Сказанное не дает оснований говорить о каком бы то ни было «отмирании» национальной культуры коренного населения. Все народности — ульчи, нивхи, нанайцы — сохраняются как цельные этнические группы; у них стойкое национальное самосознание, их язык широко бытует. В культуре этих народностей имеется много специфических традиционных черт: отдельные промысловые навыки, орудия производства; старинная женская одежда (во многих селениях ульчей и нанайцев); некоторые семейные обычаи, обряды; неисчерпаемый источник народной мудрости — национальный фольклор и др.

* * *

Таким образом, этнические процессы у народов Нижнего и Среднего Амура до Великой Октябрьской социалистической революции сводились в основном к взаимному тесному общению разных групп коренного населения, приводившему к обмену культурными ценностями и

созданию культурного единообразия на большой территории. До революции начался процесс приобщения мелких этнических групп (орочи, самагиры, киле) к более крупным народностям, живущим на Амуре; отмечалось также влияние русской культуры на основные группы коренного населения, причем влияние русской культуры, начиная с конца XIX в., постепенно усиливалось.

В годы Советской власти этнические процессы протекают здесь под знаком все усиливающегося влияния передовой русской культуры; с русскими происходит сближение и чисто внешнее (совместные поселения, совместная работа в колхозах и производственных бригадах, совместное обучение детей в школах) и глубоко внутреннее (заимствование русской культуры, русского языка и литературы, обычаев, что возможно при очень близком общении). Нами уже указывалось, что из всех смешанных браков у нанайцев, ульчей и нивхов преобладают браки с русскими. Нижнеамурские народности связаны тесными узами со всей Советской страной, принимают участие в строительстве коммунистического общества. Новые нормы жизни, новая идеология прочно вошли в их быт, в их сознание. Все это изменило быт и духовный облик современного коренного населения. Культурное единообразие всех его групп создается на новой, более высокой основе.

Современные этнические процессы характеризуются также завершением разграничения населения, относившегося в прошлом к промежуточным родам, более четким этническим самосознанием, частичным приобщением этнографических групп к более крупным, основным народностям. Численно эти народности, правда, невелики, но все они сохраняют прочное национальное самосознание, язык, ряд черт национальной культуры (несмотря на происходящий повсеместно в Приамурье процесс приобщения к русской культуре).

SUMMARY

The ethnic processes which took place before the Great October Socialist Revolution among the population of the Lower and Middle Amur — the Nivkhi, Ulchi and Nanai — amounted to interaction between these nationalities. This resulted in the emergence of many common features in their material and spiritual culture.

Under Soviet power, the ethnic processes occurring in the area are characterized by the growing influence of advanced Russian culture.

In the Soviet years, the ethnic delimitation of the population living in the marginal Nanai-Ulchi and Ulchi-Nivkhi zones has been consummated. Simultaneously, the small ethnic groups have associated themselves with the major nationalities inhabiting the Lower and Middle Amur area.